
Глава IX

НЕОЧЕВИДНЫЙ НАСЛЕДНИК: 1949—1953

В 1947 году Рада Хрущева поступила в Московский университет на факультет журналистики. Там она полюбила соученика, студента Алексея Аджубея, мать которого Светлана Аллилуева вспоминала как «лучшую в Москве портниху», «одевавшую всех женщин из “первой десятки”». Она была по-настоящему талантливым человеком, и большая часть ее таланта и энергии передалась ее единственному и любимому сыну»¹.

Окончив школу с золотой медалью, Рада продемонстрировала родителям свою серьезность и ответственность, и ей разрешили жить самостоятельно — в квартире на улице Грановского. Домработница Рады была нанята службой безопасности; кроме того, по просьбе Нины Петровны за девушкой приглядывала жена Маленкова, чья квартира находилась этажом ниже. Супруга Маленкова «без большого энтузиазма узнала, — вспоминал позднее Аджубей, — что у Рады появился жених». «Тебе только двадцать лет!» — говорила она Раде. Но дочь Хрущева не терпела вмешательства в свои дела².

Мать Аджубея шила платья жене Берии, и однажды та с ноткой сожаления в голосе спросила ее: «Зачем Алеша вошел в семью Хрущева?»³ Вопрос звучал зловеще. Однако Аджубей был не менее настойчив, чем его нареченная.

С Хрущевым он впервые встретился весной 1949 года на даче Хрущевых в Подмоскowie. «Никита Сергеевич не сказал мне тогда и двух слов, ни о чем не спрашивал, как будто жених его дочери вовсе ему не интересен. Думаю, что он был смущен не меньше меня и просто не знал, что в подобном случае полагается говорить».

В то же лето Нина Петровна пригласила Аджубея в Ки-

ев; в Межгорье он купался, удил рыбу, загорал и вообще идиллически проводил время. В конце его визита Нина Петровна объявила, что они с Никитой Сергеевичем дают согласие на брак. Однако на свадьбу в Москве родители Рады не пришли. «Сама мысль о свадебной церемонии была им совершенно чужда», — вспоминал Аджубей. 31 августа 1949 года охранник из службы безопасности Хрущева сопроводил пару в районный загс, а затем новобрачные вместе с несколькими друзьями отправились в Абрамцево, чтобы отпраздновать это событие на лоне природы⁴.

Молодые супруги поселились в квартире на улице Грановского. Квартира, обставленная в суровом «сталинском» стиле, без ковров и украшений, казалась особенно «пустой и нежилой» оттого, что вся семья еще жила в Киеве, а Хрущев бывал в Москве не часто и не обращал внимания на окружающую обстановку.

Однажды, через несколько недель после свадьбы, готовясь к экзаменам, молодые супруги слышали в прихожей голоса. Оказалось, приехал Хрущев вместе с украинским драматургом Александром Корнейчуком и его женой Вандой Василевской. Рада бросилась на кухню — помочь домработнице: гости расселись за чаем. Хрущев только что встречался со Сталиным; по дороге он захватил Корнейчука и Василевскую, чтобы подбросить их до гостиницы. Хрущев объявил, что его назначили первым секретарем Московского горкома партии. «На Украине вас будет так не хватать, Никита Сергеевич!» — со слезами в голосе воскликнула Василевская⁵.

Корнейчук и Василевская были многим обязаны Хрущеву⁶. Однако после отставки Хрущева Корнейчук прервал все отношения с ним самим и его семьей (даже не прислал соболезнования по поводу смерти Никиты Сергеевича); Ванда Василевская умерла в том же 1964 году, однако можно не сомневаться, что, будь она жива, она повела бы себя так же. Таков, по Аджубею, был мир советской номенклатуры: «Ел, пил с кем-то нужным, охотился, рыбачил, наезжал в гости, спрашивал совета, а приходит час — будто и не был знаком. Дрожь пробирает до костей: как бы кто не вспомнил, что и ты, брат, ходил в друзьях...»

Стремление Хрущева завоевать признание у интеллигенции делало его особенно уязвимым. В тот вечер, вспоминал Аджубей, «Хрущеву, видимо, были просто необходимы собеседники» — и не из семейного круга⁷. То ли дело Василевская, оплакивающая его уход! Почти двадцать лет спустя Хрущев все еще наслаждался этой сценой: «Она: “Как же вы

уедете с Украины? Как же так?” Польша оплакивала тот факт, что русский уезжает с Украины! Несколько курьезно. Видимо, это объяснялось тем, что у меня сложились очень хорошие, дружеские отношения с ней. Я ее очень уважал... И она платила мне таким же уважением. Я не скрываю этот штрих, может быть, немного тщеславный, но, безусловно, приятный для меня»⁸.

В тот вечер Хрущев заметно нервничал. «Замолкал отрешенно, потом спрашивал: “О чем это мы говорили?” Просил гостей не торопиться, хотя было далеко за полночь»⁹. Ему явно не хотелось оставаться в одиночестве. Впечатление Аджубея подтверждает и сам Хрущев. Он был во Львове, когда ему позвонил Маленков и попросил на следующее утро прилететь в Москву. «Я был ко всему готов, — рассказывал позднее Хрущев. — Не знал, в каком качестве вернуться на Украину — и вернуться ли вообще»¹⁰.

Сталин встретил его дружески: «Ну что же, вы будете долго сидеть на Украине? Вы там превратились уже в украинского агронома. Пора вам вернуться в Москву». Он предложил Хрущеву занять его прежнюю должность в Московском горкоме, а кроме того, стать одним из четырех (не считая самого Сталина) секретарей ЦК и одним из одиннадцати членов Политбюро. «Я, конечно, поблагодарил за оказанное доверие, — вспоминает Хрущев. — Сказал, что с удовольствием приеду в Москву, потому что был доволен своей прежней работой в столице одиннадцать лет назад...»¹¹

В прошлом Хрущев в подобных случаях, как правило, проявлял искреннее или притворное смущение — и на этот раз имел на то немало причин. В эти годы Сталин искал врагов с большей подозрительностью, чем когда-либо прежде. В том же 1949 году были арестованы и год спустя расстреляны Николай Вознесенский и Алексей Кузнецов, двое самых молодых членов Политбюро, о которых Сталин прежде говорил как о своих возможных наследниках¹². Опасность нависла над головами Молотова, Микояна, Ворошилова. Маленков и Берия казались неуязвимыми; возможно, Сталин для того и вызвал Хрущева из Киева, чтобы чем-то уравновесить их влияние. Это дало им повод невзлюбить Хрущева, и позже он рассказывал (как мы увидим далее, не вполне искренне), что боялся и ненавидел их обоих. Берия в мемуарах Хрущева предстает настоящим воплощением зла; Маленков «был типичный бюрократ, чинуша. Такие люди, когда им дают власть, становятся опаснее всех. Готовы заморозить и убить все живое, что преступает предписанные рамки»¹³.

Одним словом, Кремль представлял собой настоящее змеиное гнездо; правда, Хрущев не пытался пересидеть последние годы жизни Сталина в далеком и относительно безопасном Киеве. Разумеется, у него не было выбора, раз уж вождь сам призвал его в Москву; однако имелись и другие соображения. Единственный способ избежать проигрыша в смертельном поединке, развернувшемся в Кремле в последние годы сталинщины, был — победить; заняв важный пост в правительственной иерархии и заручившись поддержкой Сталина, Хрущев мог рассчитывать на победу. «При всем том, — писал он, — Сталин ко мне относился хорошо. Если бы он относился плохо и питал какое-то недоверие, то ведь он имел возможность легко расправиться со мной, как расправлялся со всеми, неугодными ему... Я бы даже сказал, что он относился ко мне с каким-то расположением. Не раз после своих грубостей он выражал мне свое расположение»¹⁴.

Самым опасным из кремлевских коллег Хрущева был Берия. Правда, как и у всех сталинских сатрапов, у него были свои слабости; а Хрущев к этому времени обзавелся немалым количеством сильных сторон, важнейшей из которых была репутация, заставлявшая соперников его недооценивать. В их глазах он выглядел все тем же «мужиком», придворным шутком, что покинул Москву одиннадцать лет назад. Однако к этому времени он стал куда более уверен в себе, а к моменту смерти Сталина уверенности у него еще больше прибавилось. Очевидным наследником Сталина казался Маленков. Некоторые планы на будущее строили Молотов, Микоян и Ворошилов. Хрущев на их фоне был абсолютно темной лосадкой. В 1949—1953 годах никто и подумать не мог, что в мечтах Хрущев представляет себя наследником Сталина¹⁵.

Последние три года жизни Сталина стали самыми мрачными не только для страны, но и для него самого и его приспешников. В репрессиях 1950—1953 годов погибло значительно меньше людей, чем в тридцатые годы или во время войны. Но теперь померкла и надежда, прежде хоть немного облегчавшая людские страдания¹⁶. К 1950 году коммунистическая идеология выродилась в великорусский шовинизм, а на элиту обрушилась новая волна репрессий.

По некоторым сообщениям, Сталин перенес два инсульта — в 1945 и 1947 годах. В 1947—1951 годах его ежегодный отдых на Черном море затягивался с конца августа до начала декабря¹⁷. Сказывался атеросклероз, ставший причиной его смерти в 1953-м. «С приближением старости, — расска-

зывала Светлана Аллилуева, — отец начал остро ощущать свое одиночество. К этому времени он находился настолько выше остальных, что жил как будто в вакууме. Не с кем было словом перемолвиться... Он ненавидел весь мир, повсюду искал врагов. Это превратилось в болезнь, в манию преследования — все от одиночества и отчаяния»¹⁸.

В последние годы Сталин почти не собирал у себя правительство, а вместо этого решал деловые вопросы на застольях, продолжавшихся ночи напролет. Хотя по уставу партии каждые несколько лет должны были проводиться партийные съезды, с 1939 по 1952 год не было ни одного. Пленумы ЦК тоже созывались редко, и Политбюро почти не собиралось в полном составе¹⁹. Решение политических вопросов поручалось комиссиям из шести-семи членов Политбюро (они назывались «шестерками» или «семерками»), однако друг с другом эти люди почти не общались. Вместо этого Сталин собирал свой «внутренний круг» — Берию, Маленкова, Хрущева и Булганина — в Кремле на просмотр кинофильмов, после которого все вместе ехали к нему на дачу, ели, пили и разговаривали до рассвета.

У Сталина был свой кинозал с ветхим старым проектором²⁰. Он часто смотрел американские фильмы. «Много было американских, ковбойских. Он их очень любил, — вспоминал Хрущев. — Ругал их за примитивность и правильно оценивал, но тут же заказывал новые». Поскольку пленки вывозили с Запада нелегально, субтитров не было. Руководитель Госкомкино Иван Большаков «переводил» фильмы со множества языков, которых не знал. «Его сотрудники рассказывали ему содержание фильмов, — объяснял Хрущев. — Он старался получше запомнить и потом “переводил”. В отдельных эпизодах он говорил иной раз вообще невпопад либо просто произносил: “Вот он идет” и т. п. А Берия тут же начинал помогать: “Вот, смотри, побежал, побежал!”»²¹

История не сохранила сведений о том, действовали ли замечания Берии на Большакова так же, как замечания Сталина — на одного советского режиссера, присутствовавшего при просмотре своего фильма. Предполагалось, что создатель фильма выслушает критику непосредственно из уст руководителя страны. «Это должно помочь нашим режиссерам в их работе», — сказал по этому поводу Сталин. Во время просмотра секретарь Сталина принес ему какой-то документ, просмотрев который Сталин бросил: «Что за чушь!» Режиссер услышал его шепот, вообразил, что речь идет о его фильме, и грохнулся в обморок²².

Порой фильмы неприятно перекликались с реальностью. Так было с исторической драмой о капитане пиратского судна, беспощадно истреблявшем своих соратников, пока наконец те не прикончили его самого. Однако еще хуже было то, что следовало за киносеансами. Хрущев называет это «кормлением». «“Ну, поехали, что ли?” — говорил Сталин». По словам Хрущева, «кушать мы не хотели, ведь это был уже час или два ночи, надо отдыхать, завтра рабочий день». Мало того: «Я в обеденный перерыв пытался поспать, потому что всегда висела угроза: не поспишь, а он вызовет, и будешь потом у него дремать. Для того, кто дремал у Сталина за столом, это кончалось плохо». Но «все говорили, что они “голодные”, выработали рефлекс и врали»²³.

Усталая компания загружалась в несколько автомобилей (Берия и Маленков — в сталинскую копию бронированного «паккарда», а Хрущев — в машину Булганина) и мчалась по темным пустым улицам в Кунцево, на дачу Сталина. Всякий раз Сталин выбирал новый маршрут, чтобы обмануть возможных убийц: только выехав из Кремля, он сообщал шоферу и телохранителям, как ехать на этот раз. Окрестности дачи, покрашенной в маскировочный темно-зеленый цвет, были залиты асфальтом, чтобы легче обнаружить непрошенных гостей, дача была окружена высоким забором и заграждениями, а леса вокруг были заминированы и постоянно патрулировались службой безопасности. Дом, выстроенный в 1934 году, заменил прежнюю дачу в Зубалове, куда Сталин перестал ездить после самоубийства жены. По словам его дочери, новая дача была «чудесным местом — одноэтажная, просторная, уютная, в саду, среди цветов и деревьев». Однако беспокойный диктатор, которому даже на совещаниях не сиделось на месте — он то и дело вскакивал и принимался мерить комнату шагами, попыхивая своей трубкой, — «снова и снова перестраивал дачу». По воспоминаниям Аллилуевой, «...то же самое происходило со всеми его домами. Он уезжал на юг в отпуск, а когда возвращался туда же в следующем году, дом был уже совершенно перестроен».

В 1948 году Сталин добавил к кунцевской даче второй этаж, однако использовал его только один раз — для приема китайской делегации. Коллег из Политбюро и иностранных гостей он принимал в просторной гостиной-столовой с деревянной обшивкой на стенах, длинным столом, тяжелыми креслами, мягким ковром на полу и камином — «единственная роскошь, которую позволял себе отец», по словам Аллилуевой. По описанию Джиласа, это была «просторная, без всяких украшений, почти аскетическая столовая», с длин-

ным столом, половина которого «была заставлена всевозможными блюдами на подогретых серебряных подносах, а также тарелками, стаканами и прочей утварью. Каждый накладывал себе сам и садился, где хотел, на свободной половине стола. Сталин никогда не садился во главе, но всегда занимал одно и то же кресло — первое слева от конца стола»²⁴.

В дальнем конце столовой располагась почти незаметная дверь, за ней — спальня Сталина: кровать, два небольших шкафчика и умывальник. Часто он спал и в библиотеке — еще одном скромном помещении, тесно заставленном шкафами, наполненными книгами и бумагами. В этом кабинете, на диване у стены, умирал Сталин в марте пятьдесят третьего²⁵. А на ночных застольях, которые описывает в своих воспоминаниях Хрущев, «умирали» гости вождя. «Страшные обеды», — говорит он о них. Сталин боялся яда, и поэтому все гости (кроме Берии, который приносил еду с собой) должны были пробовать блюда перед тем, как их станет есть вождь. «“Вот гусиные потроха. Никита, вы еще не пробовали?” — “Нет”», — отвечал верный Хрущев. «Тут я попробую, и он начинает есть. И вот так каждое блюдо имело своего дегустатора, который выявлял, отравлено оно или не отравлено, а Сталин смотрел и выжидал»²⁶.

После того как гости Сталина упивались до невменяемости, вспоминает его дочь, «входили их личные телохранители, и каждый “страж” увозил своего “подопечного”»²⁷. Молотов рассказывал, что Ворошилова, Булганина и Берию (который пить не любил, но пил, чтобы угодить хозяину) быстро развозило; Хрущев «выпивать стал сильно позже»²⁸. Хрущев в своих воспоминаниях уверяет, что он и другие просили официанток приносить вместо вина воду, подкрашенную вином или соком, но Сталин, заметив эту хитрость, «взбесился, что его обманывают, и устроил большой скандал». Если верить Микояну, Сталин ждал, пока у его подчиненных «развяжутся языки», — хотел выяснить, «кто что думает». Хрущев полагает, что Сталин забавлялся, ставя людей, которые от него зависят, в неудобные и порой неловкие положения. «Совершеннейшая бесконтрольность!»²⁹ Ему казалось, Сталин вполне может дойти и до того, что в один прекрасный день «станет штаны при нас снимать и облегчаться за столом, а потом говорить, что это в интересах родины»³⁰.

Бывший трезвенник Хрущев особенно страдал от утреннего похмелья: «Стыдно было бы... встречаться с людьми, потому что обязательно встретится кто-то, и ты станешь с

ним говорить, а он увидит, в каком ты состоянии. Это было позорно»³¹. Не говоря уж о розыгрышах: то кому-нибудь в кресло подкладывали помидор, и, «когда жертва садилась, раздавался громкий хохот», то в водку или коктейль подсыпали соли. Обычной мишенью таких шуток был помощник Сталина Александр Поскребышев, которого Серго Берия описывает как «узкоплечего карлика», «напоминавшего обезьяну»: часто, рассказывает Аллилуева, его «оттаскивали отлеживаться в ванную, а потом мертво пьяным отвозили домой»³². Часто страдал и сам Хрущев — особенно от шуток Берии. Однажды Берия написал на клочке бумаги слово «мудак» и потихоньку прилепил бумажку к пальто Хрущева. Хрущев, ничего не заметив, надел пальто и собирался уходить, когда вся компания разразилась громким хохотом. По словам его помощника, «Хрущев был гордым и ранимым человеком; этот случай ему было неприятно вспоминать и много лет спустя»³³.

Затем начинались танцы. Польский коммунист Якоб Берман вспоминал, как в конце сороковых танцевал с Молотовым. «Вы хотите сказать, с Молотовой?» — спросили его. «Нет, ее там не было, она в это время была в лагере. Я танцевал с Молотовым — кажется, вальс... Танцевать я совершенно не умею, так что просто переступал ногами в такт. Молотов вел. Это давало возможность, — добавил Берман, — заметить шепотом что-нибудь такое, чего не стоило говорить вслух»³⁴. Хрущева же особенно раздражала необходимость танцевать украинский гопак: «Приходилось ходить вприсядку и выбивать такт каблуками, а это, откровенно говоря, мне было не так-то легко. Но я старался, как мог, да еще и улыбался. Как я потом сказал Анастасу Ивановичу Микояну: “Когда Сталин велит плясать, умный человек отказываться не станет”»³⁵.

Умный человек был готов не только плясать по команде, но и слушать бесконечные рассказы вождя. Особенно любил Сталин рассказывать о том, как в сибирской ссылке ходил на охоту. Если верить Хрущеву (возможно, преувеличившему хвастовство Сталина), однажды вождь рассказал, как прошел на лыжах двенадцать километров, заметил на дереве двадцать четыре куропатки, дюжину убил двенадцатью выстрелами, вернулся в город за патронами (оставшиеся двенадцать куропаток терпеливо дожидались его возвращения), подстрелил оставшихся и привез добычу домой. «Когда уходили и, готовясь уехать, заходили в туалет, — рассказывал Хрущев, — то там буквально плевались... Берия говорил мне: “Слушай, как мог кавказский человек, который на лы-

жах очень мало ходил, столько пройти? Ну брешет!” У нас ни у кого не было сомнения в этом»³⁶.

Как ни ужасны были эти попойки, никто не смел отказаться от приглашения, ибо все понимали: лучше быть униженным, чем уничтоженным. То же касалось и сопровождения Сталина в отпуске. Однажды Хрущева и других руководителей, проводивших лето на Черном море, вызвали в Боржоми, где отдыхал Сталин. В большом доме, где они остановились, прежде располагался музей: «Поэтому спален не было и жили мы очень скученно. Я тогда спал в одной комнате с Микояном, и мы оба чувствовали себя плохо, во всем завися от Сталина. У нас-то были разные режимы дня: мы уже набродились, нагулялись, а он еще спит. Когда поднимается, тогда и начинается день». Ночи посвящались жестоким развлечениям вроде того, какое устроил Сталин с венгерским диктатором Матьяшем Ракоши. Ракоши явился к Сталину во время отпуска и усугубил свое положение, неодобрительно отзывавшись о пьяных застольях у вождя. В наказание Сталин влил в венгра столько вина, что Хрущев, по его собственным словам, начал опасаться за его жизнь. После отъезда Ракоши на следующее утро, вспоминает Хрущев, «Сталин подшучивал: “Вот до какого состояния я его довел!”»³⁷

Но еще страшнее, по словам Хрущева, было, когда Сталин оказывал ему «большую честь» — приглашал ехать в отпуск вместе. «Это считалось наказанием для нас, — рассказывает Хрущев, — потому что это был уже не отдых. Все время надо было находиться вместе со Сталиным, проводить с ним бесконечные обеды и ужины. Берия подбадривал: “Послушай, кому-то же надо страдать!”»³⁸

Если бы Берия верил в то, что говорил — он не был бы Берией. Что может быть желаннее для опытного придворного, чем несколько дней, даже несколько недель почти наедине с монархом! И сам Хрущев признает, что «в таком порядке были и свои плюсы. Часто велись разговоры, которые можно было выгодно использовать, из которых можно было почерпнуть сведения, важные для твоих целей»³⁹.

Уже хорошо зная темную природу Сталина, Хрущев все же восхищался его умом и полагал, что может у него учиться. «Мы на него смотрели уже не так, как во время первых разоблачений “врагов народа”, когда нам казалось, что он на три метра в землю видит... Но после победы над гитлеровской армией он в наших глазах был окружен ореолом славы и гениальности». Хотя некоторые действия Сталина и были Хрущеву отвратительны, все же он «оставался в

принципе марксистом» и «делал все, что было в его силах, для победы рабочего класса... — говорил позже Хрущев. — Я отдаю здесь должное Сталину. До самой своей смерти, когда он диктовал или что-нибудь формулировал, то делал это очень четко и ясно. Сталинские формулировки понятны, кратки, доходчивы. Это был у него большой дар, в этом заключалась его огромная сила, которую нельзя было у него ни отнять, ни принизить. Все, кто знали Сталина, восхищались этим его даром, поэтому мы и гордились тем, что работаем со Сталиным... Особенно хорошо получалось, когда он находился в здравом уме и трезвом состоянии. Тогда он давал окружающим много полезного советами и указаниями. Скажу прямо: я высоко его ценил и крепко уважал»⁴⁰.

Такая оценка выглядит трагикомичной, когда мы вспоминаем, что речь идет об одном из величайших злодеев в истории: однако она помогала Хрущеву сохранять присутствие духа в опаснейшей политической борьбе. Сталин становился все подозрительнее, однако с возрастом память его ослабла и это давало пространство для маневров. Вокруг вождя царила тягостная атмосфера всеобщего недоверия и интриганства: на тех, кто клялся тебе в дружбе, нельзя было положиться; к тем, кто не скрывал своей вражды, приходилось подлаживаться и льстить, втайне мечтая о расправе над ними⁴¹.

Молотов снова и снова доказывал свою лояльность⁴². Его способность работать без отдыха была поистине легендарна. Он не только подписывал тысячи смертных приговоров «врагам народа», но и десятилетия спустя по-прежнему оправдывал аресты их жен и детей: «Они должны были быть в некоторой мере изолированы. А так, конечно, они были распространителями жалоб всяких... И разложения в известной степени»⁴³. В марте 1949 года Молотова заменил на посту министра иностранных дел знаменитый «герой» чисток тридцатых годов Андрей Вышинский, а месяц спустя была арестована жена Молотова Полина Жемчужина. Жемчужина поднялась от заместителя наркома пищевой промышленности до наркома рыбной промышленности, а затем — до руководителя парфюмерной промышленности СССР. По словам Светланы Аллилуевой, «она была “первой леди” Москвы, хозяйкой дипломатических приемов на собственной даче и в других дипломатических резиденциях... Наши унылые правительственные апартаменты в Кремле, — пишет дочь Сталина, — не могли сравниться с квартирой Молотовых...»⁴⁴.

Жену Молотова обвиняли в краже документов, развратном поведении (двое служащих ее министерства «признались», что были ее любовниками), а также в сионизме. Приговор гласил: пять лет сибирских лагерей⁴⁵. Жемчужина действительно была еврейкой, имела сестру в Палестине и брата в Америке, однако единственный ее контакт с сионистами был осуществлен по прямому указанию Сталина: как бывший член существовавшего в военное время Еврейского антифашистского комитета, она в 1948 году принимала в Москве первого посла государства Израиль Голду Меир. Сам Молотов позже признавал, что жена пострадала из-за него: «Ко мне искали подход, и ее докапывали...»⁴⁶

«Вдруг ему взбрело в голову, что Молотов является агентом американского империализма, проданся американцам, — вспоминал Хрущев, — потому что ездил, будучи по делам в США, в железнодорожном салон-вагоне. Значит, имеет свой вагон, проданся!»⁴⁷

Клим Ворошилов так и не оправился после своих неудач во время финской войны и при обороне Ленинграда. Он утешался ролью покровителя искусств, однако у кинорежиссера Михаила Ромма создалось впечатление, что Ворошилов не так уж разбирается в культуре, как старается показать. «Чувствую, что старею и глупею», — признавался он Ромму⁴⁸. Но даже этот претенциозный глупец (который разъезжал по своей даче верхом на лошадях, полученных в дар от подчиненных, и даже на семейных ужинах произносил напыщенные политические речи)⁴⁹ не избежал подозрений в шпионаже. Однажды, посреди одного из обычных ночных застолий, Сталин вдруг спросил: «Как пролез Ворошилов в Бюро?»⁵⁰

Каганович находился под подозрением с тех самых пор, как застрелился его старший брат Михаил, уволенный с должности наркома авиапромышленности и изгнанный из ЦК за мифические «связи с нацистами». Каганович не стал защищать брата, но это не обелило его в глазах Сталина. Как лизоблюд по призванию, как ретивый и безжалостный администратор, наконец, как еврей, на которого Сталин мог указывать в ответ на обвинения в антисемитизме, он был полезен. Однако к 1952 году и Каганович был исключен из «внутреннего круга».

Более приятное впечатление производил Микоян. Аллилуева пишет, что он и его жена Ашхен («милая тихая женщина, отличная хозяйка») соблюдали в семье «простоту и демократичность»⁵¹. Как и всем подручным Сталина, Микояну приходилось отдавать ужасные приказы; однако в 1952

году и его жизнь висела на волоске. На пленуме ЦК, состоявшемся после XIX съезда партии, Сталин обрушился на Молотова и Микояна с резкой критикой. Писатель Константин Симонов, который при этом присутствовал, рассказывал, что Сталин «жестоко упрекал Молотова, обвинял его в трусости и пораженчестве... Потом повернулся к Микояну — и тут стал еще жестче и грубее. В зале наступило тяжелое молчание. Все члены Политбюро словно окаменели. Они ждали, кто станет следующим. Молотов и Микоян были бледны, как смерть»⁵².

Хрущев уверяет, что он сам, Маленков и Берия старались смягчить отношение Сталина к Молотову и Микояну. Когда Сталин прекратил приглашать их на дачные вечера, Хрущев и другие потихоньку сообщали им о предстоящих застольях, так что они все равно старались как бы случайно туда приехать. Однако через некоторое время стало ясно, что упорствовать бесполезно, «и мы эту деятельность прекратили, потому что она могла плохо кончиться и для них, и для нас: и им не поможем, и свою репутацию в глазах Сталина подорвем... Мы были настороже, думали, что, видимо, Молотов и Микоян обречены»⁵³.

Но кому же предстояло заменить старую гвардию? После войны за положение «наследников» боролись две фракции относительно молодых лидеров. Одну из них возглавляли Берия и Маленков, другая, известная как «ленинградская фракция», включала Жданова, Вознесенского и Кузнецова⁵⁴. Маленков и Берия казались неуязвимыми. Оба с 1939 года занимали в Москве ключевые посты (Маленков руководил кадровой политикой, Берия возглавлял службу госбезопасности), оба во время войны работали в ГКО, а после войны замещали Сталина в Совете министров, оба в 1946 году стали полноправными членами Политбюро⁵⁵. Однако реально ни тот ни другой не могли считать свое положение непоколебимым.

Согласно Молотову, Маленков был «хорошим исполнителем, “телефонщиком”, как мы его называли — он всегда сидел на телефоне: где что узнать, пробить, это он умел». Он был «очень активный, живой, обходительный. В главных вопросах отмалчивался. Но он никогда не руководил ни одной парторганизацией, в отличие от Хрущева, который был и в Москве, и на Украине»⁵⁶.

Андрей Маленков описывает своего отца как «просвещенного технократа» с широким кругом интеллектуальных

интересов и без малейшего вкуса к интригам. Многолетний помощник Маленкова Дмитрий Суханов уверяет, что его начальник «был свободен от многих идеологических догм». Но даже если это правда (а проверить эти утверждения сейчас уже невозможно), эти достоинства легко оборачивались недостатками. Аллилуева писала о Маленкове как о «без сомнения, самом разумном и трезвом члене Политбюро», однако кремлевские коллеги считали его слабым человеком. Маленков и Андрей Жданов были во многом похожи: сын Жданова стал химиком, дети Маленкова, пишет Аллилуева, «росли в интеллектуальной среде». Однако, добавляет она, Жданов презирал Маленкова и постоянно называл его «Маланьей» — прозвище, прилепившееся к Маленкову из-за его круглого «бабьего» лица⁵⁷.

Что же до Берии — он, мягко говоря, слабостью характера не отличался. Это был умный, расчетливый, абсолютно циничный политик. У него была своя база на Кавказе, своя тайная полиция; по-видимому, в последние годы он подмывал под себя и самого Сталина. «Я не случайно говорю, — пишет Аллилуева, — о влиянии Берии на отца, а не наоборот. Берия был коварнее, бесстыднее, искушеннее в интригах, упорнее и настойчивее. Попросту говоря, сильнее характером».

Помощники Берии позже обрисовывали его теми же красками, что и дочь Сталина. Разумеется, первоодвигателем террора был не Берия, а сам Сталин; однако и Берия был настоящим чудовищем. Правда, после его появления во главе НКВД в 1939 году террор пошел на убыль; однако известно, что он лично пытал людей в своем рабочем кабинете. Его семья производила приятное впечатление. Нина Теймуразовна, настоящая красавица, химик по образованию, «играла роль жены и хозяйки, хотя уже давно не была ни той, ни другой», пишет Аллилуева, а их единственный сын Серго «знал немецкий и английский и был одним из первых в стране инженеров-ракетостроителей... Это был мягкий, уступчивый человек — как и его мать»⁵⁸. Зато сам Берия был садистом и насильником.

«Обычное» донжуанство было при дворе Сталина любимой забавой. Кроме Поскребышева и шефа охраны Сталина Николая Власика, в этой игре активно участвовали престарелый седобородый Михаил Калинин (неясно, до или после ареста его жены) и Булганин. Последний сожительствовал с известной певицей, которую поселил в своей квартире на улице Грановского, а другую свою любовницу однажды представил как жену⁵⁹. Но Берия развлекался неслыханным

способом: курсировал по Москве на своем лимузине, подбирая молодых женщин и девушек, отвозил их к себе на улицу Качалова, угощал вином с подсыпанным в него снотворным, а затем насиловал⁶⁰.

Милован Джилас описывает Берия так: «Пухлый, изжелена-бледный, с мягкими влажными руками. Жесткая линия рта и маленькие глазки за стеклами пенсне вдруг напомнили мне Вуйковича, шефа Белградской королевской полиции, который специализировался на пытках коммунистов»⁶¹. Его боялся и сам Сталин: однажды он позвонил в квартиру Берии, где в это время в гостях у Нины Теймуразовны была его дочь, потребовал Светлану к телефону и с бранью и проклятиями приказал ей немедленно уйти оттуда: «Быстро марш домой! Я не верю Берии!»⁶² «Сталин, видимо, сделал вывод, — пишет Хрущев, — если Берия делает это по его поручению с теми, на кого он указывает пальцем, то может это сделать и по своей инициативе, по собственному выбору. Сталин боялся, как бы при случае такой выбор не пал на него... Конечно, он никому об этом не говорил. Но это становилось заметным»⁶³.

Но даже у такого злого гения, как Берия, были свои слабые стороны. В 1918 году он некоторое время находился на службе антибольшевистского азербайджанского правительства; впоследствии это изобразили как предательство. Его неумное честолюбие тревожило и пугало коллег. Берия «был высокомерен во всем, — вспоминал Хрущев. — Ничего не решалось без него... Предположим, делаешь доклад Сталину в присутствии Берии, предварительно не обсудив этот доклад с ним — можно не сомневаться, что он порвет этот доклад в клочки вопросами и возражениями»⁶⁴.

Недостатки Берии играли на руку Жданову. В 1934 году Жданов заменил убитого Кирова в ленинградской парторганизации, второй по значению и престижу после московской. В 1939-м, за шесть лет до Маленкова и Берии, он стал полноправным членом Политбюро. Как и Хрущев, Жданов не участвовал в работе ГКО; вместо этого он решал неблагодарную задачу — руководил обороной Ленинграда. В конце войны его отослали в Финляндию, где он представлял СССР в Союзнической контрольной комиссии в Хельсинки. Однако беспредельная лояльность и покорность вкуче с трудолюбием помогли ему восстановить свои позиции в глазах Сталина.

Жданов старался слыть интеллектуалом: этот человек, после войны разгромивший русскую литературу и музыку, играл на фортепиано. Кроме того, он был ловок и находчив

и на поле интриг порой переигрывал Маленкова и Берия. В 1946 году Маленкова исключили из Секретариата ЦК, а Берия потерял прямой контроль над силовыми ведомствами⁶⁵. Место Маленкова занял ленинградский заместитель Жданова Кузнецов, а другой его протеже, Вознесенский, в 1947-м сменил ставленника Маленкова на должности председателя Госплана и полноправного члена Политбюро⁶⁶.

Кузнецов и Вознесенский также отличались энергией и честолюбием, однако были более образованны, чем их старшие товарищи; кроме того, на руках у них было куда меньше крови. Некоторое время Сталин поручал Вознесенскому вести в свое отсутствие заседания правительства и даже говорил о нем как о будущем главе правительства, а о Кузнецове — как о возможном генсеке⁶⁷. Однако, возвысив Жданова, чтобы уравновесить Маленкова и Берия, Сталин вполне мог поступить и наоборот. По всей видимости, Берия убедил Сталина вернуть доверие Маленкову⁶⁸. В августе 1948 года Жданов умер при не вполне ясных обстоятельствах (он страдал ожирением и астмой и много пил), а после визита Маленкова в Ленинград в начале 1949-го Кузнецов, Вознесенский и другие ленинградские руководители были обвинены во фракционности, русском национализме и многих других грехах. Кузнецова арестовали (не где-нибудь, а в кабинете у Маленкова) в августе 1949-го, Вознесенского — в октябре. В тот день, когда Кузнецов был уволен с занимаемой должности, его семья праздновала помолвку дочери с Серго, сыном Анастаса Микояна. Каганович предупреждал отца Серго: «Ты согласен на эту свадьбу? Ты что, с ума сошел? Неужели не понимаешь, что Кузнецов обречен?» Он был прав. В сентябре 1950 года члены Политбюро, включая и Хрущева, подписали Кузнецову, Вознесенскому и нескольким другим смертный приговор. Несколько недель спустя состоялся негласный «суд»; был зачитан приговор, немедленно после этого осужденным надели на головы белые мешки, вывели из зала суда и расстреляли. Жена Кузнецова, а также сестра Вознесенского Мария и его брат, возглавлявший Ленинградский государственный университет, были арестованы и отправлены в лагерь⁶⁹.

«Ленинградское дело» подняло акции Маленкова и Берии. На XIX съезде партии в октябре 1952 года Маленков зачитывал отчетный доклад, что в глазах присутствующих делало его очевидным наследником Сталина. Положение Берии было более шатким. В конце 1951 года Сталин начал аресты партийных работников мингрельского происхождения, на родине Берии, приказав новому главе госбезопасно-

сти Семену Игнатьеву не забывать о «большом мингреле». Берия сумел перехватить инициативу — поспешил в Грузию и принялся рьяно арестовывать членов собственного клана. С «делом врачей» такой фокус не удался. Сталин объявил, что кремлевские врачи готовили серию убийств, и «Правда» констатировала, что органы государственной безопасности под руководством Берии «не сумели вовремя раскрыть террористическую организацию врачей»⁷⁰. Когда много лет спустя Молотова спросили, в самом ли деле легенда о заговоре врачей была необходима для смещения Берии, тот ответил: «Так тоже не бывает. Надо, чтобы для других было убедительно. Промолчат, но не поверят...»⁷¹

Кремлевские врачи, большей частью евреи, были арестованы в январе 1953 года. Микоян страшился повторения террора тридцатых годов. Если, как гласили слухи, Сталин действительно намеревался сослать тысячи евреев на Дальний Восток, не было сомнений, что новая волна террора должна была бы захлестнуть всю верхушку власти, в том числе Берию, Маленкова и Хрущева⁷².

Роль Хрущева в этой борьбе не вполне ясна. Сам он отрицал, что знал об арестах Кузнецова и Вознесенского «во всех деталях»: «Со мной о “ленинградском деле” Сталин никогда не говорил». Однако ему было известно, что с 1946 года Берия и Маленков строили заговоры против своих соперников. Сталин, если верить Хрущеву, не сразу решился уничтожить Кузнецова, но Берия и Маленков давили на него. Хрущев признает, что подписывал «материалы расследования» «ленинградского дела», однако, когда Сталин предложил ему провести аналогичное расследование в Москве, Хрущев (опять же, по его собственным словам) предотвратил распространение «этой заразы» в столице⁷³.

«У нас плохо обстоят дела в Москве и очень плохо — в Ленинграде, где мы провели аресты заговорщиков, — заметил Сталин Хрущеву в декабре 1949 года. — Оказались заговорщики и в Москве. Мы хотим, чтобы Москва была опорой ЦК партии». Он передал Хрущеву пространный документ, содержащий обвинения в адрес партийного руководителя Георгия Попова и других московских чиновников. «Положил я записку к себе в сейф, — рассказывает Хрущев, — и решил не говорить Сталину о ней какое-то время, считая, что чем больше времени пройдет без такого разговора, тем лучше».

Игнорировать указания Сталина само по себе было дерзостью. Однако, когда вождь снова заговорил о документе,

Хрущев осмелился сказать ему, что приведенные в нем обвинения ошибочны. «Если бы подстраиваться под настроение Сталина, захотеть отличиться и завоевать его дополнительное доверие, то это очень легко было бы сделать, — признает он. — Нужно было только сказать: “Да, товарищ Сталин, это серьезный документ, надо разобраться и принять меры”. Попов и его “группа”... конечно, на допросах “сознались” бы, вот вам заговорщическая группа в Москве. А я стал бы человеком, которому, возможно, приписали бы, что, дескать, он пришел, глянул, сразу раскрыл и разгромил заговорщиков». Чтобы спасти Попова, рассказывает Хрущев, он распорядился о его переводе из Москвы, чтобы, если забывчивый диктатор случайно вспомнит о нем и спросит: «А где Попов?» — можно было бы спокойно ответить: «В Куйбышеве»⁷⁴.

После XIX съезда Сталин неожиданно заменил Политбюро расширенным до двадцати пяти человек Президиумом, состоящим из более молодых руководителей. Очевидно, он готовил финальную чистку «старой гвардии». «Я ничего не понимал, — пишет Хрущев. — Как же это получилось?» Он утверждает, что был еще более изумлен арестами кремлевских врачей, не сомневался в их невиновности и позже винил себя за то, что молчал: «В этом я себя и упрекаю. Надо было проявить больше решительности в то время, не позволить развернуться этой дикой кампании... Я беру и на себя вину за то, чего тогда не доделал»⁷⁵.

В самом ли деле Хрущев был совершенно непричастен к этому делу? Двое известных историков, а также Павел Судоплатов в этом сомневаются, а Молотов прямо и неоднократно утверждал, что в последние годы жизни Сталина Хрущев входил в «тройку» наряду с Маленковым и Берией⁷⁶. Однако, даже если он был ближе к Маленкову и Берии, чем признавал впоследствии, его возвращение в Москву в 1949 году должно было осложнить отношения между ними. Хрущев начал в Московском горкоме и некоторых госучреждениях собственную чистку, удаляя оттуда ставленников Маленкова⁷⁷. Когда в 1951-м главой МГБ стал Игнатьев, несколько человек, работавших с Хрущевым, были назначены его заместителями, а другие протее Хрущева заняли ключевые посты в ЦК. Маленков и Хрущев в беседах друг с другом отрицали, что кто-либо из них помогал Сталину в подборе кандидатур для Президиума. Однако Маленков позже признавался сыну, что подсказал Сталину несколько кандидатов: вполне возможно, что и Хрущев был столь же неискренен. Да и, если Хрущев не участвовал в

подборе Президиума, как попали туда его люди с Украины? Если Хрущев соперничал с Берией и старался очернить его в глазах Сталина — можем ли мы быть уверенными, что он не поощрял развитие «дела врачей»?⁷⁸

Разумеется, все это лишь предположения. По-видимому, Хрущев в самом деле защищал тех, кого мог защитить — например, энергичного молодого московского партработника Николая Сизова, который внезапно куда-то исчез, а некоторое время спустя снова «вынырнул» в качестве директора авиационного завода и популярного комсомольского лидера. Когда комсомольские активисты потребовали, чтобы обвинения против Сизова были предъявлены публично, Хрущев пригласил их на встречу. Сперва он развлекал аудиторию рассказами о своей юности и разговорами об экономической ситуации в Москве, а затем, завоевав доверие слушателей, изменил тон и холодно объявил, что судьба Сизова их не касается. «Так вот, молодые товарищи. Дел много, надо подчиняться партийным решениям, на то вы и комсомол». После этого он вышел из зала, так и не дав комсомольцам возразить. Однако при этом Хрущев спас Сизова от гибели; уволив его с поста секретаря комсомольской организации, он отправил его «от греха подальше» на учебу в Высшую партийную школу. «Таким способом, — замечает Аджубей, — иногда удавалось выводить человека из-под более сильного удара»⁷⁹.

Приблизительно в то же время работу в аппарате ЦК предложили бывшему вожаку украинского комсомола при Хрущеве Костенко. Когда тот спросил у своего шефа совета, Хрущев прошептал: «Не соглашайся! Не приезжай в Москву! И забудь, что я тебе это сказал!» Костенко пересидел последний год жизни Сталина в провинции — и остался невредим⁸⁰.

Какова бы ни была роль Хрущева в последние годы жизни Сталина, игра, в которую он играл, требовала от него и изображать дружбу с Берией и Маленковым, и быть готовым в любую минуту их предать. По его воспоминаниям, в тридцатые годы, когда Хрущев работал вместе с Маленковым, они были «друзьями». Во время приездов в Москву в военные годы Хрущев останавливался у Маленкова на даче и часто гостил у Маленковых, приезжая из Киева. Хрущев и Маленков вместе охотились, а в начале 50-х их семьи часто ходили вместе по грибы, а потом ужинали друг у друга на дачах. Хрущев даже приглашал Маленкова на вечерние прогулки, к которым пристрастился в Киеве; при дворе Сталина такое времяпрепровождение было непривычным. Вместе

с женами и детьми (и нервничающими телохранителями на хвосте) они шли по улице Грановского, сворачивали на проспект Калинина, продолжали свой путь по Моховой, поворачивали на улицу Горького и возвращались домой. Иногда выбирали и кружной путь — по Александровскому саду, мимо Кремлевской стены⁸¹.

На вопрос, с кем дружил ее отец в 1949—1953 годах, Рада Аджубей холодно ответила: «Это сложный вопрос. Трудно сказать. С тридцатых годов мы дружили семьями с Булганиными и Маленковыми и здесь, в Москве, живя с ними в одном доме, часто встречались. Были и многие другие... но я бы не назвала это дружбой»⁸².

Сталин не поощрял дружбу между своими подчиненными. Однако невозможно работать вместе, не заводя никаких личных связей. Сын Маленкова Андрей вспоминает, что Хрущев был единственным из коллег, с кем проводил свободное время его отец. Они называли друг друга «Никитой» и «Егором», ходили друг к другу на дни рождения, а их дети постоянно бывали друг у друга в квартирах на улице Грановского. Однако, хотя Нина Петровна, по воспоминаниям Андрея, была «интеллигентной женщиной», а ее муж — «самым живым» из коллег Маленкова, Хрущев производил впечатление человека «невероятно грубого». «Мои родители были из интеллигентных семей, — объяснял Маленков-младший, — учились в гимназии, получили высшее образование, в гостях у нас часто бывали академики и профессора. Хрущев же был совершенно неотесан, с на редкость грубым чувством юмора, очевидно, ничего не читал и совершенно не знал литературу»⁸³.

Маленков, разумеется, не демонстрировал своей неприязни — однако Хрущев не мог ее не почувствовать. «Во время войны, — рассказывал позже Хрущев, — Маленков начал смотреть на меня свысока, особенно когда замечал, что Сталин мною недоволен»⁸⁴. Открытых ссор между ними не было — но только потому, что каждый боялся невольно укрепить положение другого. В общении друг с другом эти люди постоянно носили маски; то же, и в еще большей степени, касалось их отношений с Берией.

У Хрущева было немало причин бояться Берии. По рассказу Аджубея, в 1951 году оперативники Берии пытались обыскать рабочий кабинет Хрущева в здании горкома, угрожая его секретарю, находившемуся на рабочем месте, серьезными последствиями, если он не позволит «проконтролировать надежность сейфов и телефонных аппаратов». Однако тот не позволил, и оперативники с проклятиями

удалились. Никаких последствий этот случай не имел: помощник Хрущева пришел к выводу, что Берия не решился вступить с его шефом в открытую схватку⁸⁵.

Вскоре после свадьбы Рады и Алексея служба безопасности сообщила, что молодая пара «болтает» о «красивой жизни» семьи Хрущевых. Хрущев возложил вину на Аджубея (и справедливо, по замечанию Сергея Хрущева); Аджубей и Рада сваливали все на своих университетских друзей, бывавших у Хрущевых на даче. Позднее Хрущев объяснил Аджубею, что скандал был «специально раздут», чтобы его скомпрометировать.

Однажды летом, когда Хрущев и Берия отдыхали на Кавказе, Берия пригласил Хрущева подняться вместе на высокую гору, откуда открывался вид на море. «Какой простор, Никита. Давай построим здесь наши дома, будем дышать горным воздухом, проживем сто лет, как старики в этой долине». Когда Берия предложил «куда-нибудь переселить» людей, живущих на этом месте, Хрущев почувал «провокацию» — как и в другом случае, когда Берия попытался «вовлечь его в антисталинский разговор, а потом донести Сталину»⁸⁶.

Несмотря на махинации Берии или, точнее, из-за них, Хрущев опасался открыто высказывать Берии свое недовольство или чуждаться его. По утверждению Молотова, Маленков, Берия и Хрущев составляли неразлучную «троицу»⁸⁷. После университета, поступив на работу в «Комсомольскую правду», Аджубей часто ездил с работы домой вместе со свекром. Иногда — очевидно, по предварительной договоренности — где-нибудь на темной улочке автомобиль Хрущева встречался с лимузином Берии; Аджубей менялся с ним местами, чтобы они с Хрущевым могли поговорить. Когда два автомобиля подъезжали к воротам хрущевской дачи, рассказывает Аджубей, «Никита Сергеевич выходил из машины, долго жал руку Лаврентию Павловичу. Стоял, сняв шляпу и глядя вслед, пока машина не скрывалась из виду. Он прекрасно знал, что дежуривший на воротах офицер непременно сообщит по начальству, с каким почтением Хрущев провожал Берию»⁸⁸.

Если верить Хрущеву, с начала 1939 года Берия предупреждал его о том, что Маленков был чересчур близок с расстрелянным главой НКВД Ежовым. Десять лет спустя или около того Берия убеждал Хрущева: «Слушай, Маленков безвольный человек. Вообще козел, может внезапно прыгнуть, если его не придерживать. Поэтому я и... хожу с ним. Зато он русский и культурный человек, может пригодиться

при случае». Это признание стало для Хрущева откровением. «Удивляюсь, неужели ты не видишь и не понимаешь, как Берия относится к тебе? — сказал он Маленкову как-то вечером на сталинской даче в Сочи. — Ты думаешь, что он тебя уважает? По-моему, он издевается над тобой!» После долгого молчания Маленков ответил: «Да, я вижу, но что я могу поделать?» — «Я просто хотел бы, чтобы ты видел и понимал, — ответил Хрущев. — А это верно, что сейчас ты ничего не можешь поделать»⁸⁹.

В играх сталинских приспешников Хрущев был не последним игроком. Одним из замыслов Берии было стремление окружить Сталина грузинской прислугой. При каждой встрече с грузином — главой службы безопасности, которого Берия сделал генерал-майором, Хрущев замечал у него на груди новые орденские ленточки и медали. Однажды Сталин заметил, как Хрущев смотрит на эти медали, и обменялся с ним многозначительным взглядом. «Он знал, что думаю я, и я знал, что думает он, но никто из нас не сказал ни слова», — вспоминал Хрущев⁹⁰. Несколько раз во время поздних ужинов на сталинской даче, на которых Берия исполнял роль тамады, Хрущев отказывался петь соло. «Я отказывался, а Сталин поглядывал на меня и на Берию, ждал, чем все это кончится. Берия видел, что я не сдамся, и отставал от меня, чувствовал, что Сталину нравится мое упрямство»⁹¹.

Трудно сказать, что больше поражает в этих эпизодах — проницательность Хрущева, научившегося безошибочно «читать» мысли Сталина и Берии, или актерский талант, с которым он скрывал свое растущее интриганское мастерство под убедительной маской грубого, простоватого и ограниченного «мужлана».

Достижения в промышленности и сельском хозяйстве помогали Хрущеву удерживать свои позиции перед Сталиным; однако ему случалось допускать грубые ошибки, которые позволяли соперникам и дальше его недооценивать.

Борьбу с жилищным кризисом в Москве Хрущев повел энергично и изобретательно. К 1949 году большинство населения столицы обитало в коммуналках, зачастую по две семьи в комнате, а десятки тысяч людей и вовсе прозябали в бараках. Хотя население столицы за десять лет выросло на миллион человек, жилые дома с 1940 года почти не строились⁹². Хрущев произвел революцию в жилищном строительстве, впервые введя использование железобетона⁹³. Продол-

жалось и строительство метро, однако наряду с этим — бездумный снос исторических застроек (например, Китай-города); как и в тридцатые годы, Хрущев не проявлял никакого интереса к историческим архитектурным ценностям⁹⁴.

Советское сельское хозяйство к 1950 году так и не вышло на уровень 1913-го. Вместо того чтобы вкладывать ресурсы в агропромышленный сектор, режим предпочитал их выкачивать. Колхозы вынуждены были продавать свою продукцию по заниженным ценам, в то время как цены на индустриальные товары, в том числе грузовики и тракторы, возросли в несколько раз. В результате многие колхозники работали бесплатно, оказавшись в своеобразном рабстве. Единственным способом выжить для них оставались приусадебные участки — однако налоги на них постоянно росли. Колхозник не мог даже уехать в город в поисках лучшей доли — у него не было паспорта⁹⁵.

Московская область, сельскохозяйственные условия которой по сравнению с черноземной полосой были неблагоприятны, находилась в особом небрежении. Едва водворившись в столице, Хрущев отправил своего помощника Андрея Шевченко в инспекционную поездку по области. Крошечные нищие колхозы, которые посетил Шевченко, носили гордые названия вроде «Смерть капитализму!», но не имели ни электричества, ни машин, ни даже работников-мужчин. В одной деревне, где Шевченко посетил школу — полуразрушенную хибару с единственной комнатой, — учительница угостила его супом. Шевченко выловил из супа и выбросил что-то, с виду напоминающее крысиный хвост. «Что вы делаете?! — воскликнула учительница. — Это же мясо!»

Вскоре после этого Хрущев и Шевченко вместе посетили один колхоз, отрекомендованный им как «ударный». В обшарпанном кабинете председателя никого не было, ключи от всех помещений лежали на столе. «Он уехал, — объяснил кто-то. — Просто оставил ключи и уехал. Сказал, воровать у нас все равно нечего». Хрущев вызвал местного учителя, передал ему ключи и назначил его новым председателем. Когда Хрущев вернулся в Москву, Сталин упрекнул его за то, что тот «шляется по деревням»⁹⁶.

Хрущев предложил некоторые сельскохозяйственные новшества, включавшие в себя развитие животноводческих и птицеводческих ферм, укрупнение полей и принятие новых схем землепользования. Эти меры принесли успех; не столь успешны были попытки внедрить в подмосковных колхозах среднеазиатские дыни и израильские артишоки⁹⁷.

Крестьяне с трудом принимали новые технологии, назначенцы зачастую оказывались некомпетентны, а Хрущев воспринимал их неудачи как личное оскорбление. «Меня выводила из себя ограниченность наших колхозников», — вспоминал он позже. Когда власти распоряжались вносить в почву удобрение, «чаще всего крестьяне оставляли его гнить на станции. Два-три года лежал большой кучей этот навоз, и зимой ребятишки катались с этой горки»⁹⁸. В 1950 году Хрущев посетил подмосковный институт, специализирующийся на картофеле. Когда директор института доложила, что на ее экспериментальных полях урожай получается в половину меньше, чем в соседних колхозах, Хрущев взорвался. «Она, бедная, такого совсем не ожидала. У нее слезы потекли, она прямо зарыдала: “Мы так ждали вашего приезда, а вы приехали и такое нам говорите!” Ей, должно быть, никто еще не говорил правды о том, чем она там занимается»⁹⁹.

В апреле 1950 года, на встрече с колхозниками и агрономами, Хрущев рвал и метал. Раздраженный чередой невнятных и беспомощных выступлений, он выкрикивал приказы («Выясните, кто виноват, и накажите!», «Исключите из партии!», «Отдайте под суд за формализм!») и личные оскорбления: «Врете!», «Идите к черту!»¹⁰⁰ Когда один из местных чиновников не только посетовал на невозможность очистить навоз зараженного скота, но и осмелился возложить вину на самого Хрущева, тот отмахнулся от критики: «Товарищ директор, это у нас не самый главный вопрос. Если мы станем возиться с зараженным навозом, то сами по шею в нем окажемся». Но критик отказался замолчать, и Хрущев орал на него почти час без перерыва¹⁰¹. Грубые «выволочки» подчиненным при Сталине были в порядке вещей, однако прежде Хрущев этим не увлекался. Нельзя сказать, что власть развратила его; скорее, она позволила проявиться раздражительности и вспыльчивости, всегда таившимся в глубине его натуры.

Подобные инциденты ничем не угрожали Хрущеву; куда опаснее оказалась его борьба за идею агрогородов. Летом 1949 года Кремль продавливал слияние небольших коллективных хозяйств в крупные колхозы. Причин тому было две: одна, лежавшая на поверхности, — повышение эффективности труда; другая — необходимость усиления контроля за колхозниками¹⁰². Хрущеву, который уже занимался слиянием колхозов на Украине, эта деятельность представилась прекрасной возможностью выделиться и завоевать признание. Поскольку колхозы Московской области были особенно мелкими, для слияния открывались большие возможности. Однако Хрущев, как обычно, пере-

старался. В марте 1950 года он призвал переселить колхозников из «маленьких и неудобно расположенных деревень» в «новые деревни с хорошими жилищно-бытовыми и культурными условиями», включающими в себя «удобное высококачественное жилье» — и все это «в самом ближайшем будущем». Приусадебные участки предполагалось отрезать от домов и разместить на отдельной территории. Тут забеспокоился даже Сталин, но Хрущев не видел в своей идее ничего особенного: «Просто отрежем кусок земли, огородим заборами, и все»¹⁰³.

В речи от 18 января 1951 года Хрущев подробнее раскрыл свое видение урбанизированной деревни: мелкие села сливаются в крупные поселки, в каждой общине имеются «школа, больница, ясли, клуб, агрономический центр и другие учреждения, необходимые в колхозе», а также «водопровод, электричество, уличное освещение, тротуары», «многоквартирные дома» вместо «частных избушек»; приусадебные участки возле домов сильно сократятся в размере, а для индивидуального хозяйства колхозникам будут выделены специальные земли вне территории поселка¹⁰⁴. Присутствовавший на собрании корреспондент «Правды» попросил текст выступления. Почувствовав опасность, Шевченко посоветовал шефу не спешить. Однако Хрущев жаждал внимания — и его получил: его речь заняла целый разворот «Правды» от 4 марта. Сталину прочитанное не понравилось. Он позвонил в редакцию, и на следующий день в газете на первой странице появилась коротенькая заметка «Исправление ошибки»: «По недосмотру редакции при печатании во вчерашнем номере газеты “Правда” статьи товарища Н. С. Хрущева “О строительстве и благоустройстве в колхозах” выпало примечание от редакции, где говорилось о том, что статья товарища Н. С. Хрущева печатается в дискуссионном порядке. Настоящим сообщением эта ошибка исправляется»¹⁰⁵.

На следующий день Хрущев распинался перед Сталиным в униженных извинениях: «Вы совершенно правильно указали на мои ошибки... После этого я постарался обдумать все еще раз... Моя грубая ошибка... нанесла вред партии... Если бы я проконсультировался с ЦК... Прошу вас, товарищ Сталин, помочь мне исправить мою грубую ошибку и, насколько возможно, загладить вред, который я нанес партии»¹⁰⁶. Но этого оказалось недостаточно. Сталин назначил комиссию под председательством Маленкова, «чтобы покрепче дали Хрущеву». Комиссия подготовила секретную директиву на восемнадцати страницах для распространения по парторганизациям страны: в документе утверждалось,

что Хрушев «поставил под угрозу всю систему колхозов». В апреле тот же вопрос обсуждался на пленуме горкома. Два ставленника Берии, главы компартий Армении и Азербайджана, развязали антихрущевскую кампанию в местной прессе. Маленков поднял ту же тему на XIX съезде партии в октябре 1952 года, где критиковал «некоторых наших руководителей» за предложение «снести дома колхозников» и «возвести на новых местах агрогорода»¹⁰⁷.

Хрушев всячески старался скрыть свое огорчение. Выходя с совещания, на котором Сталин жестоко его раскритиковал, он шепнул министру сельского хозяйства Ивану Бенедиктову: «Много он знает. Руководить вообще легко — а ты попробуй конкретно...» — однако, спохватившись, тут же уточнил, что имел в виду только самого себя¹⁰⁸. Помощники Хрущева видели, что он в отчаянии. «Он ужасно страдал, думал, что это конец, что теперь его сместят», — рассказывал Шевченко. «Это было ужасно, — подтверждает Петр Демичев. — Он был на грани. Перестал спать. На наших глазах постарел на десять лет».

Однако все прошло без последствий. Сурово осудив идею агрогородов, Сталин не утратил доброго расположения к самому Хрущеву. Прочтя черновик рапорта комиссии Маленкова, он заметил Молотову: «Надо помягче, смягчить». А вскоре после этого, при встрече с Хрущевым, шутливо постучал своей трубкой ему по лбу и с улыбкой проговорил: «Звук-то какой — пусто!»¹⁰⁹

Можно сказать, что Хрушев легко отделался; однако воспоминания об этой истории мучили его и много лет спустя. В начале 1958 года, едва он занял, в дополнение к руководящему посту в КПСС, пост главы советского правительства, была отозвана резолюция Политбюро от апреля 1951 года, объявлявшая план создания агрогородов ошибкой¹¹⁰. Если верить Аджубею, такое решение принял не сам Хрушев, а его «прихлебатели». Если так, надо признать, что они хорошо изучили своего хозяина¹¹¹.

В конце 1952 года, когда Сталин наконец решился созвать XIX съезд партии, сам он чувствовал себя не лучшим образом и не решился произносить основной доклад. Это он поручил Маленкову, а Хрушев, как это было принято, должен был выступать в прениях. Поручение заставило «по-нервничать» Хрущева, как сам он позже признавался. «Я заранее знал, что все “набросятся” на мой текст, особенно Берия. А он и Маленкова потянет за собой. Так оно и слу-

чилось». Берия критиковал не содержание речи, а ее стиль. По его мнению, доклад Хрущева получился чересчур длинным. Проблема была в том, признавал Хрущев, что он в своем черновике «подражал» существующим образцам, прежде всего речи Жданова на съезде в 1939 году. «Не знаю, насколько это было необходимо, но я полагал, что такой стиль уже апробирован, и шел этим же путем»¹¹². Словно школьник-троечник, он повторял ответ отличника в надежде произвести впечатление на учителя. Неудивительно, что после своего доклада Хрущев заболел. «Я не мог уйти, пока мой доклад обсуждали на съезде. Но после этого мне пришлось несколько дней пролежать в постели»¹¹³.

Много времени Хрущев посвящал заполнению пробелов в своем образовании, к которым был так чувствителен; однако, вместо того чтобы пользоваться широкими возможностями, которые предоставляла для самообразования культурная Москва, он предпочитал снова и снова возвращаться к уже известному. Аджубей вспоминал, что Хрущев очень любил ходить в театр. Особенно нравились ему бытовые комедии А. Н. Островского: пьесу «Горячее сердце» он смотрел не меньше десяти раз. «Предвкушая удовольствие, — рассказывает Аджубей, — Никита Сергеевич заранее доставал носовой платок, чтобы утирать веселые слезы»¹¹⁴. Сам Хрущев позднее уверял, что главный герой «Горячего сердца», сумасбродный тиран, напоминал ему Сталина. Скучающий купец «говорил: “Ну, что сегодня будем делать?” И приближенный придумывал, что делать. Они и в разбойников играли, и всякими прочими затеями занимались. И Сталин, вроде этого купца, тоже говорил нам: “Ну, что сегодня будем делать?” Он-то уже не способен был что-нибудь серьезное делать»¹¹⁵.

С удовольствием Хрущев ходил и в Большой театр на оперные спектакли, а когда в Москву приехал с гастролями Киевский оперный театр, пригласил ведущих певцов к себе на дачу. Там, вспоминал Аджубей, его свекор «пел, точнее сказать, напевал русские и украинские народные песни. Шло своеобразное музыкальное соревнование (голоса у Хрущева вовсе не было) на знание песен редких, фольклорных. К чести украинских артистов, они почти всегда подхватывали слова самых “забытых” песен и припевок и пели уже в полный голос. Рассказывали, что и его мать Ксения Ивановна любила петь — “кричать” песни, как она говорила на деревенский лад».

Любил Хрущев и цирк, зато в балет ходил только на выступления Галины Улановой и других прославленных звезд. С удовольствием смотрел документальные фильмы, особен-

но посвященные новостям науки, техники и сельского хозяйства. Если на экране появлялись интересные люди или технические новинки, он поручал своим помощникам собрать о них информацию. «Увы, — замечает по этому поводу Аджубей, — не всегда то, что пропагандировалось на экране, существовало на самом деле. “Кинолипа” страшно раздражала Хрущева, а вранье он воспринимал как личную обиду. Фильмов “о себе” Хрушев никогда не смотрел».

Позднее, став лидером государства, Хрушев не стеснялся высказывать суждения по любым вопросам культуры. В начале же пятидесятых, вспоминает Аджубей, «он вовсе не считал себя судьей ни в театральных делах, ни в кино, ни в литературе. Возвращаясь в машине из театра, мог обронить: “Ерунда какая-то”, — но не больше». Согласно мнению зятя, «тяга Хрущева к театру, музыке в зрелые годы, конечно, не была вызвана стремлением к самообразованию», поскольку «он об этом не думал, не говорил, не разбирал увиденное». Для него это было «просто переключение, отдых»¹¹⁶.

Возможно, самообразование ему бы не помешало. «Нет, Хрушев не такой глупый, — вспоминал Молотов, — он малокультурный... Он на мещан ориентировался. Хрушев не интересуется идеями... Он же сапожник в вопросах теории... Примитивный очень»¹¹⁷. Но Хрушев хорошо сознавал, какое впечатление производит на коллег, и использовал это в своих целях. «Человек хитрый, скрытный, — характеризует его Аджубей, — постоянно разыгрывавший при Сталине протачка-работягу»¹¹⁸.

В довершение ко всему, Хрушев жил в изнурительном режиме. «Завтракал около 11 утра, — вспоминает Аджубей, — днем приезжал обедать (в это время почти никого дома не было), спал несколько часов, а в предвечерье опять отправлялся [на службу]». После ночных попок на даче у Сталина Хрушев часто возвращался домой на рассвете, однако даже в столь поздний час не ложился, не совершив обязательной ежедневной прогулки. По выходным он также вынужден был ждать приглашений Сталина — и зачастую целый день ничего не ел, ибо являться к Сталину с полным желудком было рискованно¹¹⁹.

«Атмосфера была тяжелая, — вспоминает Рада Аджубей. — Как будто воздуха не хватало»¹²⁰. Семья Хрущева жила в «мире политической стерильности, молчания, отсутствия откровенности», — рассказывает Алексей Аджубей; «нечего было думать о том, чтобы о чем-то спросить Никиту Сергеевича или Нину Петровну»¹²¹. Нина Петровна установила в доме строгие правила: «Не задавай ненужных вопросов! Не

Handwritten signature in cursive script.

Ксения Ивановна Хрущева,
мама Никиты Сергеевича.

Учительница начальной школы
Лидия Шевченко.

Юзовка. *Фото начала XX в.*

Хрушев с женой
Ефросиньей.
Юзовка. 1916 г.

Дом Ильи
Косенко,
где Хрушев
бывал в юности
и в зрелые годы.
Донецк.
Фото автора.

Хрушев (в центре в черной папахе) — политработник
Девятой Кубанской армии. 1920 г.

Хрушев — в первом ряду пятый слева — секретарь Рутченковского
райкома партии. 1922—1923 гг.

С дочерью Юлией и сыном Леонидом. *Сталино*. 1924 г.

Хрущев (в центре) — студент рабфака. 1924 г.

Мандат делегата XIV съезда РКП(б).

У стен Большого Кремлевского дворца:
И. В. Сталин, Г. К. Орджоникидзе, Н. С. Хрущев.

Никита Сергеевич и Нина Петровна с детьми Юлией, Радой, Леонидом.
Киев. 1929 г.

Дом Правительства (Дом на набережной). *Современное фото.*

У Мавзолея на Красной площади.

Делегаты VIII Чрезвычайного съезда Советов, на котором утверждена новая Конституция СССР. Сидят слева направо: А. А. Андреев, Н. И. Ежов, Н. С. Хрущев, А. А. Жданов, Л. М. Каганович. *Декабрь 1936 г.*

Первый секретарь горкома Н. С. Хрущев в частях Московского гарнизона.
1936 г.

Среди рабочих
Метростроя. *Москва.*

Дом на улице
Грановского.
Фото автора.

Дача Хрущева в Межгорье под Киевом. 1938 г.

Первый секретарь ЦК ВКП(б) Украины Н. С. Хрущев в президиуме торжественного заседания, посвященного 125-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко. Справа — секретарь ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко. Киев. 1939 г.

Любовь Сизых с сыном Толей. 1941 г.

Леонид Хрушев.
Москва. 1940 г.

Леонид Хрушев (справа)
и Рубен Ибаррури. Куйбышев. 1942 г.

Член Военного совета фронта Н. С. Хрушев в танковых частях.
Воронеж. 26 апреля 1942 г.

Хрушев обсуждает с руководителями отрядов украинских партизан положение дел за линией фронта. Москва. 1943 г.

Сталинград после налета немецкой авиации. 23 августа 1942 г.

Командующий Сталинградским фронтом генерал армии А. И. Еременко и член Военного совета Н. С. Хрущев. 9 октября 1942 г.

В освобожденном Киеве. 6 ноября 1943 г.

Н. С. Хрущев и заместитель председателя СНК Украины В. Ф. Старченко с горожанами на Крещатике. Киев. 1943 г.

Вернувшаяся из эвакуации Нина Петровна с дочерьми Радой (справа) и Леной в квартире на улице Грановского. 1943 г.

М. И. Калинин вручает Н. С. Хрущеву орден Суворова I степени. 1943 г.

суй нос в разговоры, которые тебя не касаются!» Когда, рассказывает зять Хрущева, его охранник звонил с сообщением, что Хрущев задерживается на даче Сталина, «Нина Петровна не подавала виду, что волнуется, она умела держать себя в руках; но в душе, конечно, тревожилась. В Москве она жила в постоянном напряжении»¹²². Жена Хрущева вела для obsługi дома на улице Грановского семинар по истории партии. Тесно общалась она с Валерией Маленковой и Еленой Булганиной, с женами других высокопоставленных лиц встречалась только на больших официальных приемах, например на праздничных парадах, куда все первые лица приглашались вместе с семьями¹²³.

Отношения с детьми также были холодны и официальны. Старшая дочь Рада и ее муж (который когда-то мечтал стать актером) обязаны были сопровождать Хрущева на спектакли. «Я не оговорился, — замечает Аджубей, — [это была] именно обязанность. Не принято было отказываться от приглашения, даже если это и расстраивало иногда наши личные планы». И добавляет: «Родственная душевность проявлялась мало... Пожалуй, не было ее и между детьми. Повзрослев, все они разбежались в разные стороны»¹²⁴. В присутствии детей Нина Петровна называла мужа «Никитой Сергеевичем» или «отцом», а сам Хрущев обращался к зятю по имени-отчеству, хотя в разговоре с дочерью, вдали от чужих ушей, мог назвать его «Алешей». Семейные тайны охранялись так же строго, как политические — в сущности, это было одно и то же. Лишь много лет спустя Аджубей узнал, что вдова Леонида Хрущева Любовь в это самое время отбывала срок в лагере и ссылке¹²⁵.

Семья жила по строгому расписанию: «...завтрак для детей, уходивших в школу, обед, ужин, подготовка уроков... Никаких нарушений». Дети «не подвергались никакому особому контролю», но лишь потому, что «занимались прилежно и ответственно — это был стиль дома, определенный подтянутостью и требовательностью хозяйки»¹²⁶.

Семья обладала немалыми привилегиями, но Нина Петровна старалась их ограничивать. Они с мужем никогда не помогали Аджубеям деньгами и настаивали, чтобы молодая семья жила на две студенческие стипендии. Вначале молодым помогала мать Алексея; затем Аджубей устроился (не без помощи звучного имени своего свекра) на работу в престижную и многотиражную газету «Комсомольская правда»¹²⁷. Узнав, что Аджубей вместе с делегацией журналистов приглашен в Австрию, Хрущев встревожился. «Смотрите, чтобы все было в порядке, а если что — держитесь как по-

добает», — наставлял он зятя. «Хрущев, конечно, знал, — замечает Аджубей, — что я окажусь “под колпаком” бериевского ведомства»¹²⁸.

Однако, несмотря ни на что, и в эти годы Хрущев бывал счастлив.

Одним из светлых моментов стал семидесятилетний юбилей Сталина 21 декабря 1949 года. Великий человек, как обычно, делал вид, что все эти торжества ему безразличны: «Не вздумайте дать мне еще одну звезду! (то есть звезду Героя Советского Союза. — У. Т.)» — говорил он Маленкову¹²⁹. Однако его прихлебатели, хорошо изучившие своего господина, знали, что от них требуется. За несколько месяцев до наступления знаменательной даты центральные газеты наполнились поздравлениями. 21 декабря над Кремлем взмыл в воздух огромный воздушный шар, на который проецировался портрет Сталина. По городам и весям проходили многотысячные демонстрации с плакатами, восхваляющими «величайшего гения всех времен и народов».

Кульминация празднества пришлась на вечер в Большом театре. На сцене, богато декорированной цветами и знаменами, под гигантским портретом Сталина восседали руководители СССР и иностранных компартий: Мао Цзэдун, Пальмиро Тольятти, Вальтер Ульбрихт, Долорес Ибаррури, Матьяш Ракоши и другие. Зал заполняли специально приглашенные, тщательно отобранные и рассаженные по ранжиру гости. «Прошла семья Берии, — писал позже Аджубей, — затем Маленкова, Молотова. Молодежь вместе со старшими. Как только та или иная семья приближалась к первым рядам кресел, с них поднимались дюжие молодцы, занявшие места для своих хозяев. Из семьи Хрущевых только Нина Петровна получила право сидеть в одном из первых рядов — вместе с семьей Маленкова». Сам Аджубей и его жена сидели на куда менее престижных местах — в амфитеатре¹³⁰.

Речи продолжались часами. Хрущев свою речь закончил так: «Слава нашему дорогому отцу, мудрому учителю, великому вождю партии, советского народа и рабочих всего мира, товарищу Сталину!»¹³¹ Ораторы были почти неотличимы друг от друга. Исключение составляла Долорес Ибаррури, знаменитая Пасионария, героиня гражданской войны в Испании: она «бросала в зал слова с такой силой, энтузиазмом и радостью, что напоминала подвижников, которые во имя своей веры шли на костер». Когда она на-

чала говорить, Сталин пошевелился в кресле и немного поднял голову.

Аджубея поразило, каким «маленьким и тщедушным» выглядел Сталин: «на голове этого маленького, даже жалкого на вид человека светилась огромная плешь». Дмитрию Горюнову, молодому журналисту, сидевшему на балконе, Сталин внизу, на сцене, казался «букашкой»¹³². Партийных лидеров, видевших Сталина каждый день, интересовало совсем другое: они украдкой следили друг за другом, подмечая, кто где сидит. За день до того Сталин согласился отказаться от своей обычной «скромной» манеры садиться во втором ряду. Он сидел в центре первого ряда, по правую руку от него — Мао Цзэдун, по левую — Хрущев. Это почетное место объяснялось положением Хрущева на празднике: как первый секретарь Московского горкома и обкома партии, он был официальным хозяином торжества — что, несомненно, грело ему душу. Но и здесь Хрущев знал свое место. Заметив, что пышный ворох цветов почти закрыл от публики лицо Сталина, Аджубей шепотом спросил жену: «Отчего Никита Сергеевич не отодвинет букеты?» — «Но Сталин не просит об этом», — ответила Рада¹³³.

Первого мая 1952 года, когда на Красной площади под ярким весенним солнцем еще маршировали демонстранты, Сталин и его подручные собрались в Кремле. На кинохронике, снятой в этот день, мы видим, как Сталин жмет всем руки, а подчиненные слегка кланяются в ответ. Хрущева среди них выделяет то... что он почти не выделяется. Ничто больше не отличает его в толпе функционеров — ни молодость, ни заразительная улыбка, ни косоворотка, ни забавная кепочка. Как и на всех прочих (кроме Сталина и Маленкова, носивших френчи военного покроя), на нем светлый деловой костюм и шляпа-«пирожок». Он стал, как сам писал в своих мемуарах, «полноправным гражданином» высших эшелонов власти¹³⁴. Единственное, что выделяет его в этой сцене — после рукопожатия, слегка наклоняя голову, он одновременно подносит руку к голове, словно отдавая Сталину честь; этот жест, случайный или намеренный, призван показать хозяину и остальным, что Хрущев помнит свое место.

На вечеринке, посвященной встрече Нового, 1953 года, поспорив с дочерью, Сталин схватил ее за волосы и сильно дернул. Светлана покраснела, на глазах у нее выступили сле-

зы; Хрущеву стало ее очень жаль. Однако в целом этот праздник оставил у него светлые воспоминания: «Внутреннее настроение было, конечно, повышенным. Новый год! Обедали, закусывали, пили. Сталин был в хорошем настроении, поэтому сам пил много и других принуждал».

Сначала Сталин ставил на патефон пластинки с русскими и грузинскими народными песнями. Затем он перешел к танцевальной музыке, «и все начали танцевать... Из меня танцор, как корова на льду. Но я тоже “танцевал”». Даже Сталин, обычно неподвижно стоявший у патефона, присоединился к общему веселью: «передвигал ногами и расставлял руки».

«Я бы сказал, что общее настроение было хорошим», — заключает Хрущев. Даже для безобразного поведения Сталина с дочерью он находит оправдание: «Просто таким способом он выражал отцовские чувства. А делал это грубо не потому, что хотел сделать ей больно. Но он не умел иначе»¹³⁵.

Думается, нечто подобное можно сказать и об отношении Сталина к самому Хрущеву.